

© А. Е. Козлов

DOI: 10.15293/2226-3365.1702.12

УДК 821.161.1 + 82.0

К ВОПРОСУ О ДИАХРОНИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ РУССКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКИ XIX ВЕКА

А. Е. Козлов (Новосибирск, Россия)

Постановка проблемы. Статья посвящена дискуссионному вопросу современной истории литературы – диахроническому изучению произведений беллетристики. Несмотря на более чем вековую традицию осмысления данного подхода (А. Н. Веселовский, Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум, Ю. М. Лотман, Б. В. Дубин), можно констатировать, что в отечественной исследовательской практике он по-прежнему определяет перспективы филологических исследований. Актуальную **методологическую проблему** представляют презумпция авторского текста, принципиальная неустрашимость фигуры автора/писателя, свойственные для синхронического изучения литературы. **Целью статьи** является анализ методологических операций, позволяющих представить беллетристику как аксиологически значимое явление культуры, функционирование которого предполагает двоякую интерпретацию – в контексте синхронии и диахронии.

Методология. Через категории вторичности и альтернативности, осмысляемые в статье как своеобразные квазисинонимы, рассматриваются так называемые стохастические факторы литературного процесса. В качестве примеров рассматриваются произведения так называемого второго литературного ряда: романы Д. В. Григоровича «Проселочные дороги» и Вас. Ив. Немировича-Данченко «На пути к вечности», повести М. В. Авдеева («Тамарин») и Н. Д. Ахшарумова («Игрок», «Натурищица» и пр.). Используются историко-литературные и теоретико-литературные **методы, методы сопоставительного и контрастивного анализа.**

Результаты исследования. Исходя из осуществленного анализа, автор статьи формулирует ряд гипотез.

– Осмысление слов классика/беллетристика подражание/эпигонство, вторичность/альтернативность как терминов, имеющих жесткие терминологические границы, значительным образом изменяет исходное представление о литературной репутации и месте писателей-беллетристов в культурном пространстве.

– Феноменология творчества беллетриста, взятая в схематическом ракурсе, может быть представлена как действие эксплицитной силы, направленной на диалог и часто спор, и имплицитной силы, возникающей вследствие осознания собственной неполноценности. Каждый этап освоения литературной традиции, по указанию автора статьи, наряду с творением представляет вторение.

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

– Сложившемуся в современности представлению о многих фигурах литературного процесса способствовало закрепление этих мнений и оценок в поздней аналитической критике и популярных исследовательских работах.

– Текст беллетриста и текст классика существуют как феноменологическая условность. Автором показано, что текст беллетриста обладает поливалентностью смыслов, равно как и тексты признанных русских классиков.

В заключение сделан вывод о возможности изучения второстепенных линий литературы, образующих ее альтернативную историю, показана необходимость переосмысления диахронического подхода к изучению истории литературы. Автор показывает, что описание беллетристики как социального поля предполагает двоякую интерпретацию: в контексте синхронии и диахронии. Такая оптика, согласно выводам исследователя, позволяет преодолеть презумпцию авторского текста и литературной репутации писателя.

Предлагаемый исследователем подход может приблизить филологическое научное знание к постнеклассическому типу понимания литературы и литературного процесса как сложно организованной, подвижной и изменяемой модели.

Ключевые слова: вторичность и альтернативность; классика; беллетристика; синхрония; диахрония; литературная репутация; русская литература XIX века.

Постановка проблемы

Историческое изучение литературы как упорядоченной системы эстетических и социально значимых доминант зачастую корректируется введением в исходные условия новых фигур – «забытых», исключенных из памяти культуры текстов и «представительствующих» от их имени литературных репутаций¹.

Обращение к произведениям второго и третьего литературного рядов зачастую изменяет определяемые внешними условиями индексы, вносит случайные, «стохастические» факторы в мнимо устоявшуюся модель литературного процесса². Так, соседство басен И. А. Крылова с «Путешествием критики» С. К. Ферельца, многочисленные совпадения в сюжетосложении комедии Г. Ф. Квитки-Основьяненко

¹ Вслед за В. Шмидом мы полагаем, что «любая история литературы – нарратив, руководимый, как и все нарративы, субъективной точкой зрения. Объективные истории литературы так же невозможны, как и объективные истории политических происшествий» (Шмид В. История литературы с точки зрения нарратологии // Вопросы литературы. – 2012. – № 5. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/5/s13.html> (дата обращения: 18.01.2017).

² См. о взаимодействии классики и беллетристики: Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929; Тынянов Ю. Н. Проблемы изучения литературы и языка // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. – С. 282–283; Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992; Кондаков Б. В. Классика в свете современной интерпретации // Классика и современность. – М.:

МГУ, 1991; Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность; Чумаков Ю. Н. «Евгений Онегин» и стихотворная беллетристика 1830-х годов // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 1999; Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения. – М.: Русский мир, 2006; Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухова-Кобылина. – М.: Carte Blanche, 2000; Она же: Журнальные контексты драматического жанра в русской культуре XIX века // Универсалии русской литературы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2009; Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст // Слово – письмо – литература. Очерки социологии современной культуры. – М., 2001.

«Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» и «Ревизоре» Н. В. Гоголя или параллельность беллетристических опытов критика и писателя Н. Д. Ахшарумова творческому пути Ф. М. Достоевского демонстрируют вариативность и множественность эстетических поисков русской беллетристики XIX века. Однако своего рода альтернативная история литературы по-прежнему рассматривается в общей практике как составляющий большую историю фон, не имеющий права и возможности в перспективе стать чем-то большим.

Констатируемый в современной теории литературы антропологический поворот (Bernaerts L., Boehmer E., Prince G., Reagan A. J. and other) [1; 2; 5; 8], связанный с «изменением объекта интерпретации и самого модуса интерпретации»³ [1, p. 283], тем не менее не оказывает влияния на традиции отечественного литературоведения. Говоря об этом разрыве, современный исследователь подчеркивает: «Презумпция теории Бахтина, Тынянова, Виноградова довлеет над содержанием. Вместо верификации существующих литературных дефиниций, современные исследователи осложняют их ненужным коннотативным фоном» (Zeng J) [9, p. 138]⁴. Следует признать, что в исследовательском пространстве по-прежнему недостаточно осмыслена концепция Ю. Н. Тынянова, представившего историю литературы в свете эволюции⁵. Ошибочное представление об эволюции как о системном процессе, построенном на причинно-следственных связях, подлежащих исторической типологизации, исключает «случайные»,

«стохастические» факторы, заставляя считать такие явления как эпигонство и подражание *отклонением* развития эстетической системы. Об этом убедительно пишет Г. Хаммарберг, разводя *эпигонство* как свойство творческой системы и *эпигонизм* как стратегию текстопождения [6].

Как показывают современные исследования, история канонизации художественной литературы, тем более утверждения нового литературного канона, постоянно заявляет о своем имплицитном присутствии (такой взгляд наиболее последовательно представлен в работах Б. В. Дубина [13]). Кажется знаменательным, что освоив опыт постструктуралистской методологии и утверждая презумпцию текста над фигурой автора, современный историко-литературный анализ не устраняет автора/писателя, а скорее делает его присутствие скрытым или имплицитным.

Самая презумпция литературной репутации писателя кажется ключевой. Например, нарратологический анализ романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», вне зависимости от определения нарративных стратегий и тактик, будет определяться знанием авторского текста (имплицитной или эксплицитной соотносительностью с индивидуально-авторской моделью творчества), в то же время аналогичный анализ романа М. В. Авдеева «Тамарин» в своей основе будет иметь презумпцией фактор вторичности этого произведения. «Тамарин» будет прочитываться в контексте лермонтовского влияния, хотя такой способ интерпретации является довольно произвольным. Так, декларируя свою подражательность

³ Здесь и далее перевод – А. К.

⁴ Продолжение этих рассуждений в применении к анализу «поля Достоевского» см. в другой статье исследователя: [10].

⁵ Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. – Л.: Прибой, 1929;

Тынянов Ю. Н. Проблемы изучения литературы и языка // Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977. Заслуживает также внимания анализ поэтики художественных текстов Ю. Тынянова в контексте его научных интересов [4].

на уровне формы и содержания, М. В. Авдеев тем не менее конструирует свой роман (или цикл повестей) по принципу английской новеллы, тем самым изменяя исходные координаты французского романа. В этом далеко не всегда объективном модусе исследовательской оценки можно видеть принципиальную неустранимость фигуры автора/писателя.

В связи с этим можно констатировать, что особой напряженной рефлексии сегодня требуют термины *вторичность* и *альтернативность*, их изучение в феноменологическом и философском ракурсе. Этим определяется и цель настоящей статьи – методологическая рефлексия и обоснование гипотез, направленных на утверждение нового аксиологического статуса русской беллетристики XIX века.

Методология

Традиционный историко-литературный метод, являющийся базовым в исследовании, требует существенных корректировок, направленных на уточнение базовых дефиниций. К таковым мы относим понятия *классика* и *беллетристика*, *синхрония* и *диахрония*, *вторичность* и *альтернативность*.

Вторичность как магистральное свойство русской культуры и одно из определяющих свойств национального самосознания отражается как на прецедентных, так и наоборот «погасающих» в культурном пространстве текстах. По всей видимости, можно говорить о вторичности как конституирующем свойстве мышления, характеристике индивидуально-авторского творчества и свойстве национальной традиции. В первом случае вторичность – это осознаваемая принадлежность части к целому, что в некотором смысле связано

с феноменологией бытия. В остальных, непосредственно интересующих нас случаях, этот феномен оказывается неразрывно связан с эстетической деятельностью как индивида, так и этноса. Эта несамостоятельность отнюдь не отменяет возможность оригинального самовыражения и представления мысли в художественном объекте – слове, являя, скорее, очевидную сложность идентификации в культурном времени и пространстве [17].

С течением времени осознаваемая современниками сюжетная вторичность текстов нейтрализуется, что в ряде случаев делает неудовлетворительной концепцию классики как системы эстетических доминант, через которые прочитываются вторичные (или беллетристические) тексты. Исходя из современной литературной теории, построенной на феноменологических и герменевтических методах, мы можем утверждать, что креативная интенция большинства авторов несводима к воспроизведению и следованию образцу, зачастую важен фактор соревновательности, нередко связанный с конкуренцией (или конкурентностью) биографических фигур⁶. Так, история русского провинциального романа демонстрирует своеобразную потенцию продолжения канонического текста Н. В. Гоголя. Взятые вместе, эти тексты: «Проселочные дороги» Д. В. Григоровича, «Тысяча душ» А. Ф. Писемского, «Обличители» М. М. Стопановского, «Портретная галерея» Н. Данковского, «Чужое имя» Н. Д. Ахшарумова и пр., организуют своеобразный метатекст [14–15] *околопоэмы*, встраиваясь в него на правах вариантов и альтернативных сюжетных линий. Такое вхождение в метатекст зачастую становилось объектом авторской рефлексии. Например, завершая своё произведение, Д. В. Григорович

⁶ См.: Современная литературная теория / под ред. И. Кабаковой. – М.: Флинта, 2011. – 303 с.

писал: «Я готов поручиться чем угодно, что если какому-нибудь наблюдателю вздумалось заглянуть по прошествии этого года в Горшковский уезд, и затем явилось бы желание передать свои впечатления, ему неизбежно пришлось бы повторить историю просёлочных дорог, чего я от души не желаю ни ему, ни читателю»⁷. Отказываясь от продолжения, Д. В. Григорович фактически завершает некоторый сюжетный цикл, возобновление которого может привести лишь к повторению написанного. Продолжая эстетическую программу Н. В. Гоголя, Д. В. Григорович обращается к оптическим метафорам: «Горшковский уезд играет здесь роль вогнутого зеркала, к которому автор подводит фантастические лица, заслуживающие насмешки»⁸. По всей видимости, конструируя провинциальный роман, Д. В. Григорович размышляет о развитии «литературной оптики», совмещая этические максимы «Ревизора» и «Мертвых душ».

Вторичность как свойство эстетической системы и оценка эстетической деятельности (включая самооценку и авторефлексию) пред-

ставляет важный феномен истории литературы. Значение этого феномена часто раскрывается на определенной исторической дистанции и, как правило, опосредуется критической или исследовательской традицией. Не учитывая этот фактор, историк литературы, на наш взгляд, оказывается во власти условного представления, литературной репутации, заменяющей имя и текст⁹. Происходит синхроническое изучение феномена, в то время как изучение его вторичности как образующей потенции позволяет выйти за пределы такого представления. На наш взгляд, именно такой подход превращает читаемый текст в произведение, комментарий, чье изучение зачастую подразумевает обращение к герменевтическим принципам его создания. Обращение к литературным репутациям писателя-разночинца В. А. Слепцова или Вас. Ив. Немировича-Данченко, крупного беллетриста конца XIX века, в полной мере подтверждает эту мысль. В частности, повесть-роман В. А. Слепцова «Трудное время», воспринимаемая в исторических и актуальных интерпретациях¹⁰ как

⁷ Григорович Д. В. Просёлочные дороги. Роман без интриги. Часть шестая и последняя // Отечественные записки. – 1852. – Т. 87. – С. 186.

⁸ Григорович Д. В. Просёлочные дороги. Часть первая // Отечественные записки. – 1852. – Т. 80. – С. 129.

⁹ В понимании литературной репутации мы руководствуемся как классическими (Розанов И. Н. Литературные репутации. – М.: Кооп. изд-во писателей «Никитинские субботники», 1928. – 147 с., Винокур Г. О. Биография и культура. – М.: Русские словари, 1997. – 316 с.), так и современными работами отечественных литературоведов (Акимова Н. Н. Ф. В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. — Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 2002; Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М.: НЛЮ, 2009. – 448 с.; Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. – Тарту, 2011; Печерская Т. И. Свидетельство современников как

источник литературной репутации // Памяти А. И. Журавлевой. – М.: Три квадрата, 2012. С. 69–84; Костионова М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба»): дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015; Лаврова С. Ю. Литературная репутация и социальная справедливость: к вопросу о творчестве беллетриста XIX века Н. Д. Ахшарумова // Проблемы социальной справедливости. Современный мир. – Череповец, 2016. – С. 49–55; Боева Н. Г. Возможна ли история русской литературы как история «литературных репутаций» // Поэтика художественного текста. – Борисоглебск, 2015. – С. 28–32). См. также наши рассуждения по этому поводу: [15].

¹⁰ История изучения текста В. А. Слепцова последовательно изложена в статьях и монографии У. Брумфилда [3; 11–12].

поздний нигилистический роман, направленный на утверждение ценностных ориентиров, заданных утопией Н. Г. Чернышевского, уместно рассмотреть как своеобразный роман-комментарий,веряющий (и опровергающий) социальные взгляды автора «Что делать?» Подобное замечание можно высказать и в отношении дилогии В. И. Немировича-Данченко «На пути к счастью» и «На пути к вечности». Беллетрист воспроизводит основные сюжетные решения романистики Л. Н. Толстого, связанные с супружеской изменой, бегством героев, смертью героини под колесами скорого поезда. Однако мотивация самоубийства оказывается принципиально разной: самоубийство Карениной, как и её измена, находятся в зоне морального выбора персонажа. Копрова всего лишь следует «року», её измена – необходимость, лежащая за пределами морального выбора. В. И. Немирович-Данченко увлечён идеей пути вечного страдания, Л. Н. Толстой – идеей лабиринта сцеплений, отдельного человеческого бытия на фоне человеческих судеб. Финальный выбор Николая Семигорова фактически актуализирует альтернативный выбор беллетриста, поиск им аксиологически значимого эквивалента, позволяя ему «отмежеваться» от очевидного тождества: «И идут дни и годы, века и тысячелетия, народы сменяются народами, миры мирами, но всё теми же неисповедимыми путями, сквозь несбывшиеся надежды, муки и терзания Господь ведёт избранных Своих. Смертью пробуждает к жизни, страданиями к радости. И страшен порог бытия к тому неведомому и бесконечному, и колеблется над ним человек, как преступит через

него, и ад в его душе и сомнение. Но видит слабость его Всевышний и идёт на помощь, как мать к ребёнку. Разобьёт ему сердце горем великим, и легка человеку смерть – не труден становится этот таинственный и грозный *путь к вечности*»¹¹.

В противоположность вторичности как декларативной несамостоятельности, *альтернативность* представляет намеренное, осмысленное желание противостоять существующему *канону*, или основному потоку (*mainstream*), что в каждом отдельном случае определяет совершенно разный результат: связанный с появлением классиков, таких как Л. Н. Толстой, «литературных еретиков», таких как Н. С. Лесков, или «посредственностей», таких как Н. Г. Чернышевский. Очевидно, что альтернативность вызвана потребностью идти «против течения» – политического, социального или культурного, и поиском новой идентичности, т. е. сознательной необходимостью избегать вторичности. Альтернативность в равной мере обусловлена существующим каноном и маргиналиями, возникающими вследствие его деформации или открытого неприятия¹². История русской беллетристики являет множество ярких и самобытных примеров альтернативности. В частности, повести и романы Н. Д. Ахшарумова, точно реферирующего магистральную линию русской литературы («Игрок» → «Пиковая дама» А. С. Пушкина, «Чужое имя» → «Мертвые души» Н. В. Гоголя, «Под колесом» → «Ася» и «Вешние воды» И. С. Тургенева, наконец, «Двойник», «Игрок» и «Концы в воду» → Ф. М. Достоевский), в каждом рассматриваемом случае предполагает новые решения не

¹¹ Вас. И. Немирович-Данченко. На пути к вечности // Нива. – 1898. – № 51. – С. 101.

¹² Следует оговориться, что понимание вторичного текста в лингвистике и литературоведении значительно разнится. Объединяя эти представления,

можно создать своеобразный диагностический комплекс, позволяющий отнести текст к вторичному.

только на уровне фабулы [16], но и нарратива, актуализируя «архаические» стилевые системы, возвращающие деформированному литературному стилю «пушкинскую» нормативность. Особенно показательна в этом ряду повесть Н. Д. Ахшарумова «Натурщица», представляющая в жанровом отношении так называемую юридическую фикцию. В этом произведении, совместив парадоксальность Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, Н. Д. Ахшарумов выходит к пониманию роли автора и героя в художественном тексте, предвосхищая модернистские эксперименты В. В. Набокова [7].

Достаточно беглого взгляда, чтобы констатировать, что *альтернативность* и *вторичность* в своем узусе являются антонимами. Однако простейшая исследовательская операция (что показывают приведенные выше примеры) обнаруживает умозрительность такой антонимии, демонстрируя сложность семантических отношений: контекстуально возникающих между ними синонимии и антонимии, так и квазиантонимии и синонимии. Иными словами, совмещение синхронного и диахронного подходов в изучении литературного процесса позволяет скорректировать представление о вторичности и альтернативности как своего рода антиномиях его развития в пользу диалектической, или, в противоположность Г. Гегелю, диалогической модели взаимодействия.

Результаты исследования

Сказанное позволяет выдвинуть ряд гипотез.

1. Семантическая ёмкость понятий *классика/беллетристика* *подражание/эпигонство*, *вторичность/альтернативность*, превышая узусальное значение, способствует искажению исходного представления о литературном процессе. Осмысление этих слов как

терминов, имеющих жесткие терминологические границы, значительным образом изменяет исходное представление о литературной репутации и месте писателей-беллетристов в культурном пространстве.

2. Произведение, принадлежащее беллетристике, далеко не всегда может быть названо вторичным. Регулярно движущей силой становится не слепое подражание, определяемое скрытым *обожанием* объекта подражания, но и *состяжание*. Иными словами, феноменология творчества беллетриста, взятая в схематическом ракурсе, может быть представлена как действие эксплицитной силы – направленной на диалог и часто спор и силы имплицитной, возникающей вследствие осознания собственной неполноценности [17]. Проводя формалистские аналогии, можно констатировать, что каждый этап освоения литературной традиции наряду с *творением* представляет *вторение*.

3. Высказывания о вторичности обладают повышенным рефлексивным значением. Резонанс этих высказываний в культурном пространстве часто способствует упрочению, зачастую «кристаллизации» сложившейся репутации и «спрямлению» творчества писателя-беллетриста. Сложившемуся в современности представлению о многих фигурах литературного процесса способствовало закрепление этих мнений и оценок в поздней аналитической критике и популярных исследовательских работах. Взятые вместе эти источники должны быть подвергнуты критическому рассмотрению.

4. Текст беллетриста обладает поливалентностью смыслов, равно как и тексты признанных русских классиков. *Текст беллетриста* и *текст классика* существуют как феноменологическая условность. Фактически пространство мировой литературы существует

вне рядов и иерархий, исходя из этого, кажется возможным отказаться от иерархического осмысления литературы.

Заключение

На наш взгляд, диахроническое изучение истории литературы позволяет объединить категории вторичности и альтернативности в интегральном компоненте – *метанарративном потенциале*. Действительно – то, что для современников становилось знаком несамостоятельности или эстетической неполноценности, в актуальном исследовательском пространстве становится бесценным свидетельством рефлексии, требующим фиксации и расшифровки.

Для подтверждения выдвинутых гипотез и осуществления необходимых исследовательских операций руководящим принципом является *соединение* диахронического и синхронического подходов к изучению истории литературного процесса. Рассмотрение беллетристических текстов в синхронии и диахронии с постоянным приближением и удалением создает новую оптику, позволяющую, на наш взгляд, синхронизировать и создать корреляцию между взглядом читателя-современника и современного читателя (не устрояя из этого процесса и читателя-исследователя). Таким

образом, исследование литературного текста в его различных социальных проекциях оказывается неразрывно связанным с созданием альтернативных моделей литературного развития. Другой, не менее продуктивной, исследовательской операцией можно считать имманентное рассмотрение текстов беллетристической литературы. Предпринятые в последние годы исследования произведений Н. Г. Чернышевского [19–20], Ф. М. Решетникова [21], В. А. Слепцова [3; 11–12], А. К. Толстого [18] и др. показывают продуктивность такой исследовательской операции.

Реализация этих подходов, по нашему мнению, определяет создание своего рода альтернативной истории литературы, выявляет «стохастические» факторы и рудименты, т. е. приближает научное знание о литературе к постнеклассическому типу понимания сложно организованной, подвижной и изменяемой модели.

Таким образом, одной из актуальных задач диахронического изучения истории русской беллетристики остается построение альтернативной картины развития русской литературы, конечно, несколько не отменяющей существующую, но дающей некоторое дополнительное измерение известным и ранее исчисленным эстетическим феноменам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Bernaerts L.** Narrative across Versions: Narratology Meets Genetic Criticism // Poetics Today. – 2013. – Vol. 34, Issue 3. – P. 281–326. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-2325232>.
2. **Boehmer E.** Reading between life and work: reflections on 'JM Coetzee' // Textual Practice. – 2016. – Vol 30, Issue 3. – P. 435–450. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/0950236X.2016.1158933>
3. **Brumfield W.** Sleptsov Redivivus // Knoldege. Understanding. Skill. – 2014. – № 2. – P. 357–389.
4. **Ivleva V.** Literary Theory in Practice: Rethinking Jurij Tynjanov's 'The Wax Figure' // Russian Literature. – 2006. – Vol. 60, Issue 2. – P. 127–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.09.001>.
5. **Reagan A. J., Mitchell L., Kiley D., Danforth C. M., Dodds P. S.** The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes // EPJ Data Science. – 2016. – Vol. 5 (31). DOI: <http://dx.doi.org/10.1140/epjds/s13688-016-0093-1>.

6. **Hammarberg G.** Karamzinolatry and Epigonism // Russian Literature. – 2014. – Vol. 75, Issues 1–4. – P. 189–217. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.009>.
7. **Masing-Delic I.** Replication or Recreation? The Eurydice Motif in Nabokov's Russian Oeuvre // Russian Literature. – 2011. – Vol. 70, Issue 3. – P. 391–414. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2012.01.003>.
8. **Prince G.** Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice // Poetics Today. – 2016. – Vol. 37. – P. 691–696. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-3638220>.
9. **Zeng J.** Reference to and Transformation of Bakhtin's Theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Novel" // Foreign Literature Studies. – 2014. – Issue 1. – P. 133–139.
10. **Zhang J.** Awareness of "Aggregation and Harmony" in the Art of Dostoevsky's Fiction Writing // Foreign Literature Studies. – 2010. – Vol. 32. – № 5. – P. 73–78.
11. **Брумфилд У.** Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 3. – С. 95–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.24>.
12. **Брумфилд У.** Социальный проект в русской литературе XIX века. – М.: Три квадрата, 2009. – 303 с.
13. **Дубин Б. В.** Классика, после и рядом: социологические очерки о литературе и культуре. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 344 с.
14. **Киселев В. С.** Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII – первой трети XIX века. – Томск: Изд-во ТГУ, 2006. – 542 с.
15. **Козлов А. Е.** Рефлексия эпигонов в русской прозе первой половины XIX века // Критика и семиотика. – 2014. – № 1. – С. 169–179.
16. **Лаврова С. Ю.** Языковая личность Н. Д. Ахшарумова в семиотическом пространстве русской литературы второй половины XIX века (к постановке проблемы) // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 4. – С. 100–106.
17. **Лаппо М. А.** Самоидентификация: семантика, прагматика, языковые ресурсы. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 180 с.
18. **Пенская Е. Н.** Проблемы альтернативных путей в русской литературе: поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухова-Кобылина. – М.: Carte Blanche, 2000. – 308 с.
19. **Печерская Т. И.** Разночинцы шестидесятых годов XIX века. Феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики. – Новосибирск: Нонпарель, 1999. – 300 с.
20. **Печерская Т. И.** «Сапоги в квадрате»: сапожный сюжет в русской литературе 1840–1870-х годов // Сюжетология и сюжетография. – 2014. – № 1. – С. 38–49.
21. **Созина Е. К.** Индивидуальное и общее в судьбе и творчестве литератора-разночинца: размышления над прозой Ф. М. Решетникова // Уральский исторический вестник. – 2009. – № 1. – С. 41–50.

DOI: [10.15293/2226-3365.1702.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1702.12)

Aleksey Evgenievich Kozlov, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Russian and Foreign Literature, Literature Theory and Methods of Literature Training, Institute of Philology, Mass Information and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-0016-9546>

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Diachronic study of the history of fiction XIX century at philology

Abstract

Introduction. *The article is devoted to the diachronic method of investigating fiction, which is considered as a debatable issue of modern literary history. Despite more than a century-long tradition of understanding this approach (A.N. Veselovsky, Yu. N. Tynyanov, V.B. Shklovsky, B.M. Eikenbaum, Yu. M. Lotman, B.V. Dubin), it still determines the prospects of linguistic research. The presumption of the author's model and an inherent figure of the author are considered as typical for synchronic study of literature. The purpose of the article is to analyze the research operations which enable to consider fiction as a cultural phenomenon of axiological significance.*

Materials and methods. *The so-called "stochastic" factors of the literary process are analyzed within the framework of such categories as replication and alternativeness. The research samples included works of the so-called "second literary layer" such as the novel "Country Roads" by D. Grigorovich, the novel "On the Way to Eternity" by V. Nemirovich-Danchenko, the story "Tamarin" by M. Avdeev and the stories "The Player" and "The Model" by N. Aksharumov.*

Results. *The author formulates the following hypotheses based on the conducted analysis:*

a. *Understanding the word classic / fiction / imitation, secondary / alternative as terms is significant for their terminological boundaries which can change the original idea of the literary reputation and place of "secondary" writers in the cultural space.*

b. *Phenomenology of novelist's creativity, taken in schematic perspective, can be presented as an act of the explicit force which is aimed at dialogue and debate and of the implicit force arising as a result of awareness of their inferiority.*

c. *Contemporary perceptions of various figures of the literary process contributed to strengthening these opinions and assessments in later analytical criticism and popular research papers.*

d. *The concepts of "secondary texts" and "texts of the classic" are phenomenological conventions. The author proves that texts by novelists as well as the texts by recognized Russian classical writers contain polyvalent meanings.*

Conclusions. *The author concludes about the possibility of exploring alternative lines of literature, forming its alternative history. This approach will bring scientific philological knowledge to the postneoclassical type of understanding literature and literary process as a complexly organized, mobile and variable model.*

Keywords

Secondary and alternative; classic; fiction; synchrony; diachrony; secondary and alternative; the literary reputation; diachronic method; Russian literature of XIX century.

REFERENCES

1. Bernaerts L. Narrative across Versions: Narratology Meets Genetic Criticism. *Poetics Today*. 2013, vol. 34, issue 3, pp. 281–326. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-2325232>.
2. Boehmer E. Reading between life and work: reflections on 'JM Coetzee'. *Textual Practice*. 2016, vol. 30, issue 3, pp. 435–450. DOI: [10.1080/0950236X.2016.1158933](https://doi.org/10.1080/0950236X.2016.1158933)
3. Brumfield W. Sleptsov Redivivus. *Knoldege. Understanding. Skill*. 2014, no. 2, pp. 357–389.
4. Ivleva V. Literary Theory in Practice: Rethinking Jurij Tynjanov's 'The Wax Figure'. *Russian Literature*. 2006, vol. 60, issue 2, pp. 127–157. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2006.09.001>
5. Reagan A. J., Mitchell L., Kiley D., Danforth C. M., Dodds P. S. The emotional arcs of stories are dominated by six basic shapes. *EPJ Data Science*. 2016, vol. 5 (31). DOI: <http://dx.doi.org/10.1140/epjds/s13688-016-0093-1>
6. Hammarberg G. Karamzinolatry and Epigonism. *Russian Literature*. 2014, vol. 75, issues 1–4, pp. 189–217. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2014.05.009>
7. Masing-Delic I. Replication or Recreation? The Eurydice Motif in Nabokov's Russian Oeuvre. *Russian Literature*. 2011, vol. 70, issue 3, pp. 391–414. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2012.01.003>
8. Prince G. Unnatural Narrative: Theory, History, and Practice. *Poetics Today*. 2016, vol 37, pp. 691–696. DOI: <http://dx.doi.org/10.1215/03335372-3638220>.
9. Zeng J. Reference to and Transformation of Bakhtin's Theory in Kristeva's "Word, Dialogue and Novel". *Foreign Literature Studies*. 2014, issue 1, pp. 133–139.
10. Zhang J. Awareness of "Aggregation and Harmony" in the Art of Dostoevsky's Fiction Writing. *Foreign Literature Studies*. 2010, vol. 32, no. 5, pp. 73–78.
11. Brumfield W. Bazarov and Riazanov: The Romantic Archetype in Russian Literature. *Knoldege. Understanding. Skill*. 2015, no. 3, pp. 95–113. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2015.3.24>
12. Brumfield W. *Social project in Russian literature of XIX century*. Moscow, Three squares Publ., 2009, 303 p. (In Russian)
13. Dubin B. V. *The Classic: after and near*. Moscow, New literary review 2010, 344 p. (In Russian)
14. Kiselev V. S. Metatext Narrative Structures in the Russian prose of the end of XVIII – the first third of the XIX century. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, 542 p. (In Russian)
15. Kozlov A. E. Epigone's Reflection in Russian prose of 1st part of XIX century. *Critics and Semiotics*. 2014, no. 1, pp. 169–179. (In Russian)
16. Lavrova S. Ju. Linguistic personality of N. D. Akhsharumov in Semiotic Space of Russian Literature of the 2nd Part Of the XIX century. *Cherepovets State University Bulletin*. 2015, no. 4, pp. 100–106. (In Russian)
17. Lappo M. A. *Self-Awareness: semantics, pragmatics, language resources*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical Sciences Publ., 2013, 180 p. (In Russian)
18. Penskaja E. N. *Problemes of alternative ways of Russian literature*. Moscow, Carte Blanche Publ., 2000, 308 p. (In Russian)
19. Pecherskaja T. I. *Commoners of the 60th of the XIX Century. The phenomenon of Self-Awareness in the Aspect of Philological Hermeneutics*. Novosibirsk, Nonparel Publ., 1999, 300 p. (In Russian)
20. Pecherskaja T. I. «Boots Squared»: Shoe Story In Russian Literature of the 1840-1870s. *Sujetologia and Sujetografia*. 2014, no. 1, pp. 38–49.

21. Sozina E. K. The public and the private in life and work of an author reflection on the prose of F. M. Reshetnikov. *Historian Bulletin of Ural*. 2009, no. 1, pp. 41–50. (In Russian)

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0).